

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

УДК 811.161.1'42

ББК ШП41.12-51

DOI 10.26170/1999-2629_2021_05_20

ГСНТИ 16.31.61

Код ВАК 10.02.19

Ю. Л. Самелик

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

ORCID ID: — E-mail: yurysamelik@mm.st.**Специфика дискурса обвинения в рамках советского уголовного процесса: дело «Мракобесы»**

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется обвинительный дискурс в рамках советского уголовного процесса эпохи репрессий — дела под кодовым названием «Мракобесы», в котором оказались объединены уже судимые в прошлом оккультисты и эзотерики СССР. Сведя их вместе со стремлением доказать их причастность к мнимой эзотерической структуре шпионских организаций, следствие основывало свою обвинительную аргументацию исключительно на оговорах и самооговорах обвиняемых. Для этого следствие использовало специальный язык, в котором присутствовали особые семиотические структуры и дискурсивные единицы, обусловленные властными отношениями следствия и обвиняемых. Целью статьи является реконструкция этого обвинительного дискурса при помощи методов политической лингвистики и контент-анализа с актуализацией понятия дискурса. В ходе анализа дается краткий обзор особенностей данного обвинительного дискурса с его характерными манипулятивными чертами (наводящие вопросы) и ценностными координатами (риторика подпольной контрреволюционной борьбы), типологизируется мнимая антисоветская работа эзотерических организаций в СССР и «закордонные связи» эзотериков. Как итог исследования, приводятся причины провала данной обвинительной стратегии в рамках уголовного дела «Мракобесы»: это, во-первых, особая зависимость следствия от своих обвиняемых в условиях отсутствия реальных улик шпионской работы, во-вторых, патологическое невежество следователей, которое позволяло обвиняемым излагать ту информацию, которая бы удовлетворила запрос приобщить всех участников к мнимой шпионской работе, но при этом оспаривала бы его изнутри с позиции фактической информации или внешней интертекстуальной логики, и в-третьих, невозможность свести всю сеть показаний в единую и непротиворечивую картину. Прослеживаются определенные параллели данного обвинительного дискурса с инквизиционным процессом. Данная статья может использоваться в исследованиях по политической лингвистике, семиотике политического и идеологического дискурса, лингвокультурологии, филологии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: юридический дискурс; эзотеризм; оккультизм; репрессии; дискурс обвинения; дискурс следствия; уголовное судопроизводство; «Мракобесы»; советское судопроизводство; уголовное право; уголовный процесс.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Самелик Юрий Леонидович, магистрант, Институт истории и политики, Московский педагогический государственный университет; 119571, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, 88; Антропологическое общество им. Г. Ф. Лавкрафта.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Самелик, Ю. Л. Специфика дискурса обвинения в рамках советского уголовного процесса: дело «Мракобесы» / Ю. Л. Самелик // Политическая лингвистика. — 2021. — № 5 (89). — С. 175-183. — DOI 10.26170/1999-2629_2021_05_20.

ВВЕДЕНИЕ

Феномен репрессий в СССР является одной из драматических страниц истории России, сопряженной с поляризацией общественного мнения на две крайние позиции, на что накладывается факт непоследовательной государственной культурной политики и недостаток общественного просвещения в этом вопросе. Советские репрессии можно вполне успешно рассматривать в контексте исследований травмы [Миськова 2019], сравнивая их с аналогичными геноцидами в других авторитарных и тоталитарных режимах XX в., однако важно помнить и об определенной социальной ответственности исследователя этого феномена, которая способна, несмотря на идеологическую ин-

дифферентность, превращать память об этих событиях из «холодной» «страницы учебника» в «горячее» общественное обсуждение. Возвращение «права голоса» репрессированным, — в особенности осужденным по политическим «контрреволюционным» статьям и реабилитированным по закону, но не в культурно-исторической памяти, — требует от исследователя большого такта.

Агентурное дело под кодовым названием «Мракобесы» создавалось в рамках работы Шестого отделения Второго отдела ГУГБ НКВД и относится к началу 1940 г. Это дело должно было стать образцом для проведения последующих широкомасштабных репрессий, однако следствие завершилось,

по справедливому замечанию А. Л. Никитина, «полным провалом». Главных действующих лиц для предъявления мнимых и не имевших под собой никаких оснований обвинений собирали с разных концов страны, в том числе из концлагерей (исправительно-трудовых лагерей). 4 апреля 1940 г. был затребован оккультист, лагерник со стажем и анархист Евгений Карлович Тегер, первоначально предполагавшийся в качестве одного из ключевых участников процесса. 12 и 27 апреля 1940 г. были арестованы розенкрейцер Всеволод Вячеславович Белюстин и глава московской масонской ложи «Гармония» Сергей Владимирович Полисадов, который был связан с ленинградским масоном Борисом Викторовичем Астромовым-Кириченко (эта ложа упоминается в обвинительном заключении «Ленинградского дела», рассмотрению дискурса обвинения в котором нами посвящены отдельные статьи). Наконец, 11 июля 1940 г. в Гудаутах был арестован и сам Астромов. Параллельно допрашивались названные обвиняемыми мнимые сообщники, агенты иностранной разведки и другие лица, как правило, уже к тому моменту сидевшие в лагерях. Вплоть до декабря 1940 г. арестованные не подозревали о сосуществовании различных линий следствия, которые сводили их всех в единую цепь. Это стало очевидным только к концу 1940 г., когда начались очные ставки [Никитин 2005].

Если бы мы ставили своей задачей изучать не репрессии и обвинительный дискурс в этом источнике, а, скажем, использовали его для получения фактической информации о быте того времени, мы столкнулись бы с проблемой, что в данном следственном деле практически полностью отсутствует истина. Критерий предлагает А. Л. Никитин: мы должны «очистить» данную историю «от всего шпионско-террористического мусора» [Никитин 2005: 294], отдавая себе отчет в том, что «ложью является оговор знакомых и самооговор обвиняемого» [Никитин 2005: 293]. Невозможно допустить даже в теории, имея все материалы на руках, чтобы данные обвиняемые действительно были мифическим образом связаны с иностранной разведкой, поскольку эти люди не имели доступа ни к какой секретной информации, не обладали такими знакомствами и не имели таких устремлений, как бы ни пытались следствие доказать обратное. Таким образом, и это становится **целью** данного исследования, мы стремимся реконструировать дискурс обвинения в данном источнике; и устанавливаем главную исследовательскую **задачу** — показать механизм формирования

обвинительного дискурса и внутреннюю логику, которой он подчинен.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ И ФАКТИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретико-методологическое обоснование и фактическая база исследования состоит из двух ключевых компонентов. Во-первых, это понятийный вопрос. В данном деле в силу его «шпионской» специфики не так явно затрагивается «эзотерический» компонент. Определенные отсылки на масонство и эзотеризм в деле безусловно присутствуют, но играют роль скорее фона для того, чтобы развернуть мнимую масштабную сеть шпионского взаимодействия и контрреволюционной работы. Эзотеризм («мракобесие») становится не более чем предлогом для того, чтобы свести всех участников вместе и убедить их пытками и моральным давлением признаться в совершении вымышленных преступлений. Поэтому в данном случае мы будем определять эзотеризм не как «книжное» стремление к высшему знанию, а скорее как антиматериалистическую философскую систему мысли, которая своими установками явно противоречила советской идеологии, о чем не раз заявляется в источнике. Во-вторых, это вопрос методологический. В исследовании представленной в источнике дискурсивной коммуникации мы использовали прежде всего символический и лингвистический подходы, которые позволяют рассматривать коммуникацию как процесс, обусловленный особыми ходами символического обмена, в которых использование особого языка регулирует доступ участника коммуникации к властному механизму. Дескриптивный аспект связан с выявлением манипулятивных коммуникативных стратегий и характерных ценностных координат, в то время как критический подход позволяет сделать акцент на социальном неравенстве, обусловленном разным уровнем доступа к власти (вплоть до его отсутствия) в границах исследуемого процесса. При анализе данного источника мы прибегли к методу контент-анализа определенных смысловых маркеров и выражений, несущих явную семиотическую нагрузку, во всем массиве обвинительного дискурса. Так как дискурс представляет собой контекстуально обусловленную речь, то в данном случае он оказывается представлен как оговорами и самооговорами обвиняемых, объединяемыми в со-текст в рамках одного уголовного дела и в интертекст в границах всего процесса «Мракобесов», так и определенной риторикой самого следствия, которое пере-

живает вместе со своими обвиняемыми своего рода идеологически обусловленную ситуацию. Таким образом, мы реконструировали языковой и дискурсивный компоненты внутренней логики данного уникального, но в чем-то типического репрессивного процесса. Это позволяет нам отнести наше исследование к междисциплинарной парадигме на стыке культурологии, филологии, современной исторической науки и смежных дисциплин.

СПЕЦИФИКА ДИСКУРСА ОБВИНЕНИЯ В РАМКАХ СОВЕТСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА: ДЕЛО «МРАКОБЕСЫ»

В допросах следствие прибегает к методу наводящих вопросов, в которых заранее содержится ответ. Это в целом характерная практика для инквизиционных процессов, к которым в определенном отношении типологически близко дело «Мракобесов» [Никитин 2005: 293] в аспекте его тоталитарной репрессивности, — к примеру, Карло Гинзбург так трактует один инквизиционный процесс начала XVI в. в Модене: «Здесь мы видим в работе всю технику инквизиторского допроса с ее характерной суггестивностью. Цель этой техники — направить ответы обвиняемой в заранее намеченное русло. Своими вопросами фра Бартоломео имплицитно предлагает обвиняемой содержание ответов — и Кьяра послушно следует этим предложениям, хотя и дополняет, и развивает их» [Гинзбург 2004: 29]. Приведем один характерный пример из допроса Полисадова: «Какие указания давал вам Астромов по линии конспирации своей работы от советских разведывательных органов?» [Полисадов 30.08.40: 402]. В данном примере используется наряду с обвинительной риторикой также и особый язык, относящийся к дискурсу шпионской «работы», в котором противопоставляется шпионаж в пользу иностранного государства и «героическая» защита советской страны органами собственной разведки, т. е. в вопрос заранее вложен характер ожидаемого ответа.

Также следствие использует даже не завуалированные наводящие формулировки, а прямое столкновение обвиняемого с якобы имеющейся у следствия компрометирующей информацией. Показателен в данном случае один из допросов Белюстина, в котором он сначала показывает, что сообщил все, что знал об антисоветской работе мистиков и эзотериков, но в дальнейшем, после прямого заявления, что «следствие располагает точными данными» о «преступной контрреволюционной» работе Белюстина, он вынужден встать на «путь откровенных показаний» и сообщить новый комплект информации [Белюстин 30.04.40: 306]. Впоследствии

ему еще не один раз придется прекратить «запирательство» [Белюстин 30.04.40: 310]. Эта логика самооговоров, которые следуют как снежный ком после указки от следствия, в целом типична для данного дела.

В обоих случаях следствие заранее задает определенный языковой и терминологический дискурс, от которого обвиняемому приходится отталкиваться в своем ответе, и, в сущности, любой ответ, кроме решительного отрицания, был бы в данном контексте истолкован как частичное признание, в том числе и слова Полисадова об отсутствии «особых указаний» от Астромова [Полисадов 30.08.40: 402]. Этот дискурс мы и предлагаем рассмотреть (с поправкой на то, что абсолютно все, о чем идет речь в допросах, за исключением фактов личного знакомства, является оговором или самооговором и потому не имело места в действительности — это факты исключительно дискурсивного свойства).

Характерной чертой данного дела является декларируемая следствием риторика подпольной борьбы, которую осуществляет эзотерическое сообщество. Это в целом весьма характерный троп для большевистской и в будущем советской пропаганды: большевизм вырос из подполья и стал законной властью на территории Советской России, следовательно, в ситуации отсутствия открытой конфронтации внутри государства, скажем, в форме гражданской войны, из такого же подполья должны произрастать различные антисоветские группировки. Так что не вызывает удивления формулировка «контрреволюционное подполье мистиков и масонов», ведущее «преступную деятельность», которая практически сразу возникает в деле Белюстина [Белюстин 22.04.40: 301]. Белюстин сам добавляет в ответ на вопрос про деятельность этого подполья, что оно представляет собой сеть «хорошо законспирированных групп», которые маскируют свою деятельность под видом общения на мистические темы и обмена соответствующей литературой [Белюстин 22.04.40: 301]. В дальнейшем этот мотив контрреволюционной работы будет красной нитью проходить через сеть всех остальных допросов.

Возникает вопрос: из чего же может состоять такая антисоветская работа эзотерических групп и знакомых друг с другом оккультистов? Эти направления работы в терминологии следствия заявлены как «линии»: «линия клеветы» [Белюстин 13.05.40: 314], «линия английской разведки» [Белюстин 11.10.40: 346], «линия конспирации» [Полисадов 30.08.40: 402]. Также близкое значение имеет предлог «по», который подразу-

мевают «по линии»: «по педагогическому институту» [Белюстин 30.04.40: 310], «по шпионской работе» [Белюстин 15.05.40: 318]. Перечислим основные моменты. Во-первых, это «вербовка» новых членов [Белюстин 22.04.40: 303], сплочение антисоветски настроенных «бывших» людей в единую сеть, занимающуюся подрывной работой против советской власти [Белюстин 22.08.40: 326], создание «объединенного фронта мистических организаций» [Белюстин 29-30.11.40: 349]. Во-вторых, это пропаганда «антимарксистской философии» [Белюстин 30.04.40: 305], пропаганда эзотеризма «против идей марксизма и исторического материализма» [Белюстин 11.10.40: 346], «против идей большевизма» [Белюстин 07.01.41: 370]. Характерна в данном случае заявляемая в постановлении на арест Белюстина в формате цитаты борьба светлой силы эзотеризма против темной силы советской власти и, в другой цитате там же, также марксизма [Белюстин 19.04.40: 298]. В-третьих, это «подрывная работа методом клеветы, распускание ложных антисоветских слухов» [Белюстин 13.05.40: 314], «вредительская работа» [Белюстин 20.08.40: 327]. В-четвертых, это особая неразборчивость, непоследовательность, лживость или уклончивость по отношению к советской власти и органам разведки и государственной безопасности, выражаемая лаконичным понятием «двурушничество» [Астромов-Кириченко и др. 09.01.41: 380]. В-пятых, собственно шпионаж.

Знакомства обвиняемых характерны не только потому, что они уже по своей сути принадлежности к эзотерической субкультуре ведут антисоветскую борьбу, но еще и потому, что они могут иметь «закордонные связи» [Белюстин 22.04.40: 304]. Упоминаемые «закордонные связи» можно успешно типологизировать. Во-первых, это личное знакомство в прошлом, наличие заграничных, скажем, масонских посвящений. Такие закордонные связи с французским масонством имел Астромов, причем частично через бывших кадетов [Белюстин 22.04.40: 304]. Во-вторых, это переписка. В-третьих, это семейные связи, к примеру, наличие в семье бывших белогвардейцев. В-четвертых, это открытое симпатизирование антисоветской иностранной политике. К примеру, Тегер в запале контрреволюционных высказываний признавался, что хотел бы принять участие в гражданской войне в Испании на стороне фашистов, признавал, что душой он всегда был немцем [Белюстин 15.05.40: 317], высказывал стремление «сбрасывать с самолетов бомбы на республиканцев» [Белюстин 11.10.40: 346].

Белюстин трактует свои знакомства также в нужном следствию духе. Показательна в данном случае история с Николаем Николаевичем Леонхардом. Белюстин показывает, что знал Леонхарда с 1933 г., при этом Леонхард был «троцкистски настроен, имел связь с американским посольством» [Белюстин 22.04.40: 302]. В 1937 г. Леонхард действительно был судим по обвинению в симпатизировании троцкизму и антисоветских настроениях, причем единственным свидетелем обвинения был именно Белюстин. Леонхард был осужден на 5 лет заключения в исправительно-трудовом лагере [Ники-тин 2005: 304–305].

Зачастую достаточно полные нелепицы, оговоров и самооговоров показания все равно казались следствию недостаточно убедительными в рамках процесса. В таких случаях звучит риторика сокрытия истинного положения дел, якобы по злому умыслу. Белюстин «скрывает» свое знакомство с Астромовым [Белюстин 22.04.40: 303], «скрывает» антисоветскую работу и закордонные знакомства эзотериков [Белюстин 22.04.40: 304]. Иногда следствие прямо утверждает, что обвиняемый «врет и не говорит правды» [Белюстин 22.04.40: 304]. Требование «прекратить заpirationство» звучит даже после того, как Белюстин перечислил 6 своих этапов работы на иностранную разведку, причем различных государств [Белюстин 30.04.40: 309], — видимо, следствие не убедило, что за последние несколько лет таких связей изначально названо не было. Аналогичное на сей раз «предложение» делали Полисадову [Полисадов 21.06.40: 399]. Астромов также в допросах не желает «полностью разоружиться» [Астромов-Кириченко 12-13.08.40: 433].

Всем трем обвиняемым были предъявлены обвинения по статье 58, пункты 6, 10 и 11 УК СССР, той самой печально известной пятьдесят восьмой статье, однако обвинение по пункту 6 (шпионаж) ни в одном случае не было включено в окончательный приговор. Белюстин был приговорен по статье 58, пункты 10 и 11 (пропаганда или совершение контрреволюционных преступлений, направленных на подрыв советской власти, или подготовка к этим действиям) на 10 лет заключения в исправительно-трудовом лагере с поражением в правах на 5 лет [Белюстин 22.04.41] и погиб во время заключения [Белюстин 2005: 393]. Полисадов был приговорен к 3 годам исправительно-трудового лагеря [Полисадов 15.03.41] и погиб, отбывая наказание, 17 февраля 1942 г. в Вятском исправительно-трудовом лагере [Полисадов 27.02.42]. Астромов был приговорен по ста-

тье 58, пункты 10 и 11 на 8 лет заключения в исправительно-трудовом лагере с поражением в правах на 3 года [Астромов-Кириченко 22.04.41]. Как сложилась дальнейшая судьба Астромова, неизвестно; возможно, он погиб еще при нахождении в тюрьме НКВД.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, мы можем видеть, что ни один из обвиняемых в итоге не был осужден по «шпионскому» пункту 58-й статьи. Может возникнуть вопрос, почему с такой тщательностью проработанный обвинительный дискурс при наличии даже собственного актуального понятийного аппарата вдруг оказался неспособен доказать участие обвиняемых в шпионской работе. Попробуем выделить несколько основных причин, которые исходят из самого характера данного обвинительного дискурса.

Во-первых, обвинительный дискурс может работать как метод достижения нужных показаний, но он не защищает следствие от возможных «ошибок» и неточностей в этих показаниях. Он позволяет обеспечить вынесение обвинительного решения, но с точки зрения объективного судебного процесса одна только правильная методология не может обеспечить доказуемость состава преступления — нужны еще фактические аргументы, которые в рамках этого процесса могли исходить только от самих обвиняемых ввиду отсутствия реальных улик их шпионской работы. «Достоверное признание необходимо подтверждать внешними, объективными свидетельствами», что по-своему отмечали судьи Римской инквизиции в начале XVII в. [Гинзбург 2021: 22] и что стало своего рода общим местом следственного-судебного разбирательства в дальнейшем развитии юридической науки и правовой сферы (примером чего в современной правоприменительной практике служит ст. 14 действующего УПК РФ). Таким образом, следователи в данном деле были по-своему зависимы от своих обвиняемых, подобно тому, как господин зависит от своего раба в гегелевской философии.

Во-вторых, следователи также были по своему существу глубоко невежественными людьми, которые не разбирались даже в истории собственной страны. Это позволило обвиняемым, «излагая достоверную фактологическую канву, вышивая по ней фантастические узоры, <...> тем самым обнаруживая беспочвенные домыслы следствия» [Никтин 2005: 293]. Это заметно хотя бы на примере показаний Астромова о якобы секретных объемах золотых фондов Государственного банка царской России [Астромов-

Кириченко 29.08.40: 450] (в реальности это была открытая информация). Патологическое невежество проявляется еще и в навязчивой идее следствия приобщить участников процесса к мнимой шпионской работе, и это подводит нас к следующей проблеме.

В-третьих, сами показания обвиняемых не помогли следствию в конце концов составить обвинение в единую сеть взаимосвязанных событий. Показания Белюстина были опровергнуты названными им лицами, попытки допросить Тегера ни к чему не привели (мы имеем в деле его заявление о применении к нему пыток [Тегер 13-19.09.40: 485], что также не должно нас удивлять), а подробные показания Астромова о его прошлом, в котором путается даже он сам, оказались бессмысленны в рамках следствия. Сам Астромов при этом постоянно напоминает следствию о имеющихся у него проблемах со здоровьем (о пережитой контузии он заявлял еще в «Ленинградском деле», к примеру, в своей автобиографии [Астромов-Кириченко 2005: 25]) и выдумках касательно своей личности в прошлом, которые теперь не позволяют ему связать свое прошлое в единую достоверную картину. Установить, что в показаниях Астромова в контексте его постоянных выдумок о себе является правдой, в принципе не представляется возможным. Характерен в этом случае один из допросов, на котором Астромова спросили про письма от масона-эмигранта Рудольфа Кюна. Изначально Астромов показывает, что получил всего два письма, в ответ ему предъявляется третье. Он соглашается, что писем было три — ему предъявляют четвертое. Астромов «категорически утверждает», что писем было четыре — ему предъявляют пятое. В конце концов Астромов был вынужден признать, что просто не помнит, сколько писем было на самом деле [Астромов-Кириченко 23-24.08.40: 442—443]. Несмотря на это, с намеченной линии защиты его не смогли сбить даже очные ставки. В конце концов, после предъявления финальных обвинений, когда следствие уже считалось законченным, свое решающее слово сказал Белюстин, где он, дополняя следствие, отказался от своих показаний и тем самым поставил следствие в тупик.

Таким образом, мы могли видеть, как следствие, изначально ставившее своей целью не выяснить истину, а наказать невиновных, приходит к краху своей обвинительной риторики. Ни наличие регулярно используемого «шпионского» понятийного аппарата, ни нескончаемый поток оговоров и самооговоров обвиняемых, ни даже давление следствия, самым мягким методом которого

были наводящие вопросы (следует также учесть, что в заявлении начальнику следственной части ГУГБ НКВД Астромов заявил, что к нему, «неврастенику 57 лет, старику», применялись угрозы физического насилия и систематические оскорбления [Астромов-Кириченко 10.09.40], угрозы ареста сына [Астромов-Кириченко 22.04.41: 480], а также на него повлияли «разговоры в камере», что «надо признаваться» [Астромов-Кириченко 07.01.41: 473]), не позволили сложить всю «шпионскую» сеть показаний в единую картину.

Приходится признать полное соотношение обвинения в рамках репрессивного тоталитарного правосудия с вполне классическим инквизиционным процессом в европейском прошлом с поправкой на изменение соответствующих «священных» статусов и «заповедей» и общий военизированный дискурс советской идеологии, соотносящий мнимую контрреволюционную борьбу внутри страны с воздействием стран-недоброжелателей, которые «морем» окружают «остров» СССР. Если историк Карло Гинзбург мог испытывать чувство «дезориентации» при чтении материалов процесса конца 1980-х гг. от того, что они «весьма схожи» с актами инквизиционного процесса [Гинзбург 2021: 17], то в данном случае аналогичный вывод заставляет испытывать скорее чувство вопиющей гротескной несправедливости, но никак не эмоции удивления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астромов-Кириченко, Б. Моя автобиография / Б. Астромов-Кириченко. — Текст : непосредственный // Эзотерическое масонство в советской России. Документы 1923—1941 гг. — Москва : Минувшее, 2005. — С. 25—29.
2. Выписка из протокола №29 по делу Полисадова С. В. ОСО при НКВД СССР от 15.03.41 г. // Эзотерическое масонство в советской России. Документы 1923—1941 гг. — Москва : Минувшее, 2005. — С. 413. — Текст : непосредственный.
3. Гинзбург, К. Колдовство и народная набожность. Заметки об одном инквизиционном процессе 1519 года / К. Гинзбург. — Текст : непосредственный // Мифы — эмблемы — приметы: морфология истории : сборник статей / Карло Гинзбург. — Москва : Новое издательство, 2004. — С. 19—50.
4. Гинзбург, К. Судья и историк. Размышления на полях процесса Софры / К. Гинзбург. — Москва : Новое литературное обозрение, 2021. — 208 с. — Текст : непосредственный.
5. Заявление Астромова-Кириченко Б. В. 10.09.40 г. // Эзотерическое масонство в советской России. Документы 1923—1941 гг. — Москва : Минувшее, 2005. — С. 455—456. — Текст : непосредственный.
6. Извещение (об убийстве заключенного Полисадова С. В. из лагеря) 27.02.42 г. // Эзотерическое масонство в советской России. Документы 1923—1941 гг. — Москва : Минувшее, 2005. — С. 414. — Текст : непосредственный.
7. Материалы дополнительной проверки по делу Белюстина В. В. // Эзотерическое масонство в советской России. Документы 1923—1941 гг. — Москва : Минувшее, 2005. — С. 392—393. — Текст : непосредственный.
8. Миськова, Е. Травма сталинских репрессий в контексте коллективных травм геноцидов / Е. Миськова. — Текст : непосредственный // Психология и психотерапия семьи. — 2019. — № 4. — С. 31—49.
9. Никитин, А. «Мракобесы» // Эзотерическое масонство в советской России. Документы 1923—1941 гг. / публикация, вступ. статьи, коммент., указатель А. Л. Никитина. — Москва : Минувшее, 2005. — С. 292—296. — Текст : непосредственный.
10. Никитин, А. Протокол допроса Белюстина В. В. 22.04.40 г. Комментарии // А. Л. Никитин. — Текст : непосредственный // Эзотерическое масонство в советской России. Документы 1923—1941 гг. — Москва : Минувшее, 2005. — С. 304—305.
11. Переписка 13—19.09.40 г. об избении Е. К. Тегера в Лефортовской тюрьме // Эзотерическое масонство в советской России. Документы 1923—1941 гг. — Москва : Минувшее, 2005. — С. 485—487. — Текст : непосредственный.
12. Показания Астромова-Кириченко Б. В. 29.08.40 г. // Эзотерическое масонство в советской России. Документы 1923—1941 гг. — Москва : Минувшее, 2005. — С. 450—451. — Текст : непосредственный.
13. Показания Белюстина В. В. 29—30.11.40 г. // Эзотерическое масонство в советской России. Документы 1923—1941 гг. — Москва : Минувшее, 2005. — С. 348—357. — Текст : непосредственный.
14. Постановление на арест Белюстина В. В. 19.04.40 г. // Эзотерическое масонство в советской России. Документы 1923—1941 гг. — Москва : Минувшее, 2005. — С. 297—298. — Текст : непосредственный.
15. Приговор ВК ВС СССР по делу Астромова-Кириченко Б. В. от 22.04.41 г. // Эзотерическое масонство в советской России. Документы 1923—1941 гг. — Москва : Минувшее, 2005. — С. 481—482. — Текст : непосредственный.
16. Приговор ВК ВС СССР по делу Белюстина В. В. от 22.04.41 г. // Эзотерическое масонство в советской России. Документы 1923—1941 гг. — Москва : Минувшее, 2005. — С. 391—392. — Текст : непосредственный.
17. Протокол допроса Астромова-Кириченко Б. В. 12—13.08.40 г. // Эзотерическое масонство в советской России. Документы 1923—1941 гг. — Москва : Минувшее, 2005. — С. 430—434. — Текст : непосредственный.
18. Протокол допроса Астромова-Кириченко Б. В. 23—24.08.40 г. // Эзотерическое масонство в советской России. Документы 1923—1941 гг. — Москва : Минувшее, 2005. — С. 441—443. — Текст : непосредственный.
19. Протокол допроса Астромова-Кириченко Б. В. 07.01.41 г. // Эзотерическое масонство в советской России. Документы 1923—1941 гг. — Москва : Минувшее, 2005. — С. 472—473. — Текст : непосредственный.
20. Протокол допроса Белюстина В. В. 22.04.40 г. // Эзотерическое масонство в советской России. Документы 1923—1941 гг. — Москва : Минувшее, 2005. — С. 299—304. — Текст : непосредственный.
21. Протокол допроса Белюстина В. В. 30.04.40 г. // Эзотерическое масонство в советской России. Документы 1923—1941 гг. — Москва : Минувшее, 2005. — С. 305—311. — Текст : непосредственный.
22. Протокол допроса Белюстина В. В. 13.05.40 г. // Эзотерическое масонство в советской России. Документы 1923—1941 гг. — Москва : Минувшее, 2005. — С. 314—315. — Текст : непосредственный.
23. Протокол допроса Белюстина В. В. 15.05.40 г. // Эзотерическое масонство в советской России. Документы 1923—1941 гг. — Москва : Минувшее, 2005. — С. 316—318. — Текст : непосредственный.
24. Протокол допроса Белюстина В. В. 20.08.40 г. // Эзотерическое масонство в советской России. Документы 1923—1941 гг. — Москва : Минувшее, 2005. — С. 326—327. — Текст : непосредственный.
25. Протокол допроса Белюстина В. В. 11.10.40 г. // Эзотерическое масонство в советской России. Документы 1923—1941 гг. — Москва : Минувшее, 2005. — С. 345—348. — Текст : непосредственный.
26. Протокол допроса Белюстина В. В. 07.01.41 г. // Эзотерическое масонство в советской России. Документы 1923—1941 гг. — Москва : Минувшее, 2005. — С. 369—373. — Текст : непосредственный.
27. Протокол допроса Полисадова С. В. 21.06.40 г. // Эзотерическое масонство в советской России. Документы 1923—1941 гг. — Москва : Минувшее, 2005. — С. 399—400. — Текст : непосредственный.

28. Протокол допроса Полисадова С. В. 30.08.40 г. // Эзотерическое масонство в советской России. Документы 1923—1941 гг. — Москва : Минувшее, 2005. — С. 402—403. — Текст : непосредственный.

29. Протокол закрытого судебного заседания ВК ВС СССР по делу Астронова-Кириченко Б. В. от 22.04.41 г. // Эзотерическое масонство в советской России. Документы 1923—

1941 гг. — Москва : Минувшее, 2005. — С. 479—481. — Текст : непосредственный.

30. Протокол очной ставки между Астроновым-Кириченко Б. В., Полисовым С. В. и Белюстиным В. В. 09.01.41 г. // Эзотерическое масонство в советской России. Документы 1923—1941 гг. — Москва : Минувшее, 2005. — С. 374—381. — Текст : непосредственный.

Yu. L. Samelik

Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia

ORCID ID: —

 E-mail: yurysamelik@mm.st.

Accusatory Discourse in the Soviet Criminal Investigative Process: The Case of “Mrakobesy”

ABSTRACT. *The article analyzes the accusatory discourse in the Soviet criminal investigative process of the era of repression — a case codenamed “Mrakobesy”, in which occultists and esotericists of the USSR, who had already been convicted in the past, were incorporated. Brining them together in one group with the aim to prove their involvement in the alleged esoteric structure of espionage organizations, the investigation based its accusatory reasoning solely on the slander and self-incrimination of those accused. For this purpose, the investigation used a special language in which specific semiotic structures and discursive units were used to denote the controlling relationship between the investigation and the accused. The aim of the article is to reconstruct this discourse of accusation using the methods of political linguistics and content analysis and actualize the concept of discourse. Analysis is accompanied by a brief overview of the features of accusatory discourse with its characteristic manipulative features (leading questions) and value-based coordinates (rhetoric of the underground counter-revolutionary struggle) and typologizes the alleged anti-Soviet work of the esoteric organizations in the USSR and the “foreign relations” of the esotericists. As a result, the study gives the reasons of the failure of this accusatory strategy in the criminal case of “Mrakobesy”: firstly, it is a special dependence of the investigation on the accused in the absence of real evidence of their espionage work, secondly, it is the pathological ignorance of the investigators, which allowed the accused to state the information that would satisfy the need to accuse all participants of alleged espionage work, but at the same time would challenge it from the inside on the basis of factual information or external intertextual logic, and thirdly, it is the impossibility to bring a large amount of testimonies into a single and consistent picture. It is possible to trace certain parallels of this accusatory discourse with the inquisition process. This article can be used in political linguistics, semiotics of political and ideological discourse, cultural linguistics, and philology.*

KEYWORDS: legal discourse; esoterism; occultism; repressions; accusatory discourse; investigative discourse; criminal justice; “Mrakobesy”; Soviet justice; criminal law; criminal proceedings.

AUTHOR’S INFORMATION: Samelik Yuriy Leonidovich, Master's Degree Student, Institute of History and Politics, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia; H.P. Lovecraft Anthropological Society.

FOR CITATION: Samelik, Yu. L. Accusatory Discourse in the Soviet Criminal Investigative Process: The Case of “Mrakobesy” / Yu. L. Samelik // Political Linguistics. — 2021. — No 5 (89). — P. 175–183. — DOI 10.26170/1999-2629_2021_05_20.

REFERENCES

1. Astromov-Kirichenko, B. B. My Autobiography / B. Astromov-Kirichenko. — Text : unmediated // Esoteric Freemasonry in Soviet Russia. Documents 1923—1941. — Moscow : Past, 2005. — P. 25—29. [Moya avtobiografiya / B. Astromov-Kirichenko. — Tekst : neposredstvennyy // Ezotericheskoe masonstvo v sovetskoy Rossii. Dokumenty 1923—1941 gg. — Moskva : Minuvshee, 2005. — S. 25—29]. — (In Rus.)

2. Extract from the Protocol No. 29 on the case of S. V. Polissadov CCO under the NKVD of the USSR dated 03.15.41 // Esoteric Freemasonry in Soviet Russia. Documents 1923—1941. — Moscow : Past, 2005. — P. 413. — Text : unmediated. [Vypiska iz protokola №29 po delu Polissadova S. V. OSO pri NKVD SSSR ot 15.03.41 g. // Ezotericheskoe masonstvo v sovetskoy Rossii. Dokumenty 1923—1941 gg. — Moskva : Minuvshee, 2005. — S. 413. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

3. Ginzburg, K. Witchcraft and Popular Piety. Notes on one Inquisition Process in 1519 / K. Ginzburg. — Text : unmediated // Myths — Emblems — Signs : morphology of history : collection of articles / Carlo Ginzburg. — Moscow : New Publishing House, 2004. — P. 19—50. [Koldovstvo i narodnaya nabochnost'. Zametki ob odnom inkvizitsionnom protsesse 1519 goda / K. Ginzburg. — Tekst : neposredstvennyy // Mify — emblemy — primety: morfologiya istorii : sbornik statey / Karlo Ginzburg. — Moskva : Novoe izdatel'stvo, 2004. — S. 19—50]. — (In Rus.)

4. Ginzburg, K. Judge and Historian. Reflections on the Fields of the Sofri Process / K. Ginzburg. — Moscow : New Literary Review, 2021. — 208 p. — Text : unmediated. [Sud'ya i istorik. Razmyshleniya na polyakh protessa Sofri / K. Ginzburg. — Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2021. — 208 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

5. Statement by Astromov-Kirichenko B.V. 09.10.40 // Esoteric Freemasonry in Soviet Russia. Documents 1923—1941. — Moscow : Past, 2005. — P. 455—456. — Text : unmediated. [Zayavlenie Astromova-Kirichenko B. V. 10.09.40 g. // Ezotericheskoe masonstvo v sovetskoy Rossii. Dokumenty 1923—1941 gg. — Moskva : Minuvshee, 2005. — S. 455—456. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

6. Notice (about the departure of the prisoner Polissadov S. V. from the camp). 02.27.42 // Esoteric Freemasonry in Soviet Russia. Documents 1923—1941. — Moscow : Past, 2005. — P. 414. — Text : unmediated. [Izveshchenie (ob ubyiti zaklyuchennogo Polissadova S. V. iz lagerya) 27.02.42 g. // Ezotericheskoe masonstvo v sovetskoy Rossii. Dokumenty 1923—1941 gg. — Moskva : Minuvshee, 2005. — S. 414. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

7. Materials of an Additional Check in the Case of V. V. Belyustin // Esoteric Freemasonry in Soviet Russia. Documents 1923—1941. — Moscow : Past, 2005. — P. 392—393. — Text : unmediated. [Materialy dopolnitel'noy proverki po delu Belyustina V. V. // Ezotericheskoe masonstvo v sovetskoy Rossii.

Dokumenty 1923—1941 gg. — Moskva : Minuvshee, 2005. — S. 392—393. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

8. Mis'kova, E. Trauma of Stalinist Repressions in the Context of Collective Traumas of Genocides / E. Miskova. — Text : unmediated // Psychology and Psychotherapy of the Family. — 2019. — No. 4. — P. 31—49. [Trauma stalinskikh repressiy v kontekste kollektivnykh travm genotsidov / E. Mis'kova. — Tekst : neposredstvennyy // Psikhologiya i psikhoterapiya sem'i. — 2019. — № 4. — S. 31—49]. — (In Rus.)

9. Nikitin, A. "Obscurantists" // Esoteric Freemasonry in Soviet Russia. Documents 1923—1941 / publication, entered articles, comments, index by A. L. Nikitin. — Moscow : Past, 2005. — P. 292—296. — Text : unmediated. [«Mrakobesye» // Ezotericheskoe masonstvo v sovetskoy Rossii. Dokumenty 1923—1941 gg. / publikatsiya, vstup. stat'i, komment., ukazatel' A. L. Nikitina. — Moskva : Minuvshee, 2005. — S. 292—296. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

10. Nikitin, A. Protocol of Interrogation of V. V. Belyustin. 04.22.40. Comments A. L. Nikitin. — Text : unmediated // Esoteric Freemasonry in Soviet Russia. Documents 1923—1941. — Moscow : Past, 2005. — P. 304—305. [Protokol doprosa Belyustina V. V. 22.04.40 g. Kommentarii // A. L. Nikitin. — Tekst : neposredstvennyy // Ezotericheskoe masonstvo v sovetskoy Rossii. Dokumenty 1923—1941 gg. — Moskva : Minuvshee, 2005. — S. 304—305]. — (In Rus.)

11. Correspondence 13—19.09.40 about the beating of E. K. Teger in the Lefortovo prison // Esoteric Freemasonry in Soviet Russia. Documents 1923—1941. — Moscow : Past, 2005. — P. 485—487. — Text : unmediated. [Perepiska 13—19.09.40 g. ob izbii E. K. Tegera v Lefortovskoy tyur'me // Ezotericheskoe masonstvo v sovetskoy Rossii. Dokumenty 1923—1941 gg. — Moskva : Minuvshee, 2005. — S. 485—487. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

12. The Testimony of Astromov-Kirichenko B. V. 08.29.40 // Esoteric Freemasonry in Soviet Russia. Documents 1923—1941. — Moscow : Past, 2005. — P. 450—451. — Text : unmediated. [Pokazaniya Astromova-Kirichenko B. V. 29.08.40 g. // Ezotericheskoe masonstvo v sovetskoy Rossii. Dokumenty 1923—1941 gg. — Moskva : Minuvshee, 2005. — S. 450—451. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

13. The Testimony of V. V. Belyustin 29-30.11.40 // Esoteric Freemasonry in Soviet Russia. Documents 1923—1941. — Moscow : Past, 2005. — P. 348—357. — Text : unmediated. [Pokazaniya Belyustina V. V. 29—30.11.40 g. // Ezotericheskoe masonstvo v sovetskoy Rossii. Dokumenty 1923—1941 gg. — Moskva : Minuvshee, 2005. — S. 348—357. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

14. The Order to arrest Belyustin V. V. 19.04.40 // Esoteric Freemasonry in Soviet Russia. Documents 1923—1941. — Moscow : Past, 2005. — P. 297—298. — Text : unmediated. [Postanovlenie na arest Belyustina V. V. 19.04.40 g. // Ezotericheskoe masonstvo v sovetskoy Rossii. Dokumenty 1923—1941 gg. — Moskva : Minuvshee, 2005. — S. 297—298. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

15. The Verdict of the VK of the USSR Armed Forces in the case of B.V. Astromov-Kirichenko dated 04.22.41 // Esoteric Freemasonry in Soviet Russia. Documents 1923—1941. — Moscow : Past, 2005. — P. 48—482. — Text : unmediated. [Prigovor VK VS SSSR po delu Astromova-Kirichenko B. V. ot 22.04.41 g. // Ezotericheskoe masonstvo v sovetskoy Rossii. Dokumenty 1923—1941 gg. — Moskva : Minuvshee, 2005. — S. 481—482. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

16. The verdict of the VK Armed Forces of the USSR in the case of V. V. Belyustin dated 04.22.41 // Esoteric Freemasonry in Soviet Russia. Documents 1923—1941. — Moscow : Past, 2005. — P. 391—392. — Text : unmediated. [Prigovor VK VS SSSR po delu Belyustina V. V. ot 22.04.41 g. // Ezotericheskoe masonstvo v sovetskoy Rossii. Dokumenty 1923—1941 gg. — Moskva : Minuvshee, 2005. — S. 391—392. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

17. Protocol of Interrogation of Astromov-Kirichenko B. V. 12-13.08.40 // Esoteric Freemasonry in Soviet Russia. Documents 1923—1941. — Moscow : Past, 2005. — P. 430—434. — Text : unmediated. [Protokol doprosa Astromova-Kirichenko B. V. 12—13.08.40 g. // Ezotericheskoe masonstvo v sovetskoy Rossii. Dokumenty 1923—1941 gg. — Moskva : Minuvshee, 2005. — S. 430—434. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

18. Protocol of Interrogation of Astromov-Kirichenko B. V. 23—24.08.40 // Esoteric Freemasonry in Soviet Russia. Documents 1923—1941. — Moscow : Past, 2005. — P. 441—443. — Text : unmediated. [Protokol doprosa Astromova-Kirichenko B. V. 23—24.08.40 g. // Ezotericheskoe masonstvo v sovetskoy Rossii. Dokumenty 1923—1941 gg. — Moskva : Minuvshee, 2005. — S. 441—443. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

19. Protocol of Interrogation of Astromov-Kirichenko B. V. 07.01.41 // Esoteric Freemasonry in Soviet Russia. Documents 1923—1941. — Moscow : Past, 2005. — P. 472—473. — Text : unmediated. [Protokol doprosa Astromova-Kirichenko B. V. 07.01.41 g. // Ezotericheskoe masonstvo v sovetskoy Rossii. Dokumenty 1923—1941 gg. — Moskva : Minuvshee, 2005. — S. 472—473. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

20. Protocol of the Interrogation of V. V. Belyustin. 04.22.40 // Esoteric Freemasonry in Soviet Russia. Documents 1923—1941. — Moscow : Past, 2005. — P. 299—304. — Text : unmediated. [Protokol doprosa Belyustina V. V. 22.04.40 g. // Ezotericheskoe masonstvo v sovetskoy Rossii. Dokumenty 1923—1941 gg. — Moskva : Minuvshee, 2005. — S. 299—304. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

21. The protocol of the interrogation of V. V. Belyustin on April 30, 1940 // Esoteric Freemasonry in Soviet Russia. Documents 1923—1941. — Moscow : Past, 2005. — P. 305—311. — Text : unmediated. [Protokol doprosa Belyustina V. V. 30.04.40 g. // Ezotericheskoe masonstvo v sovetskoy Rossii. Dokumenty 1923—1941 gg. — Moskva : Minuvshee, 2005. — S. 305—311. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

22. Protocol of Interrogation of V. V. Belyustin. 13.05.40 // Esoteric Freemasonry in Soviet Russia. Documents 1923—1941. — Moscow : Past, 2005. — P. 314—315. — Text : unmediated. [Protokol doprosa Belyustina V. V. 13.05.40 g. // Ezotericheskoe masonstvo v sovetskoy Rossii. Dokumenty 1923—1941 gg. — Moskva : Minuvshee, 2005. — S. 314—315. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

23. Protocol of Interrogation of V. V. Belyustin. 15.05.40 // Esoteric Freemasonry in Soviet Russia. Documents 1923—1941. — Moscow : Past, 2005. — P. 316—318. — Text : unmediated. [Protokol doprosa Belyustina V. V. 15.05.40 g. // Ezotericheskoe masonstvo v sovetskoy Rossii. Dokumenty 1923—1941 gg. — Moskva : Minuvshee, 2005. — S. 316—318. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

24. The Protocol of the Interrogation of V. V. Belyustin on 08.20.40 // Esoteric Freemasonry in Soviet Russia. Documents 1923—1941. — Moscow : Past, 2005. — P. 326—327. — Text : unmediated. [Protokol doprosa Belyustina V. V. 20.08.40 g. // Ezotericheskoe masonstvo v sovetskoy Rossii. Dokumenty 1923—1941 gg. — Moskva : Minuvshee, 2005. — S. 326—327. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

25. Protocol of Interrogation of Belyustin V. V. 11.10.40 // Esoteric Freemasonry in Soviet Russia. Documents 1923—1941. — Moscow : Past, 2005. — P. 345—348. — Text : unmediated. [Protokol doprosa Belyustina V. V. 11.10.40 g. // Ezotericheskoe masonstvo v sovetskoy Rossii. Dokumenty 1923—1941 gg. — Moskva : Minuvshee, 2005. — S. 345—348. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

26. Interrogation Protocol of Belyustin V. V. 07.01.41 // Esoteric Freemasonry in Soviet Russia. Documents 1923—1941. — Moscow : Past, 2005. — P. 369—373. — Text : unmediated. [Protokol doprosa Belyustina V. V. 07.01.41 g. // Ezotericheskoe masonstvo v sovetskoy Rossii. Dokumenty 1923—1941 gg. — Moskva : Minuvshee, 2005. — S. 369—373. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

27. The Protocol of the Interrogation of S. V. Polissadov. 06.21.40 // Esoteric Freemasonry in Soviet Russia. Documents 1923—1941. — Moscow : Past, 2005. — P. 399—400. — Text : unmediated. [Protokol doprosa Polissadova S. V. 21.06.40 g. // Ezotericheskoe masonstvo v sovetskoy Rossii. Dokumenty 1923—1941 gg. — Moskva : Minuvshee, 2005. — S. 399—400. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

28. Protocol of Interrogation of Polissadov S. V. 30.08.40 // Esoteric Freemasonry in Soviet Russia. Documents 1923—1941. — Moscow : Past, 2005. — P. 402—403. — Text : unmediated. [Protokol doprosa Polissadova S. V. 30.08.40 g. // Ezotericheskoe masonstvo v sovetskoy Rossii. Dokumenty 1923—1941 gg. —

Moskva : Minushee, 2005. — S. 402—403. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

29. Minutes of a Closed Court Session of the VK of the USSR Armed Forces in the case of B. V. Astromov-Kirichenko, dated 04.22.41 // Esoteric Freemasonry in Soviet Russia. Documents 1923—1941. — Moscow : Past, 2005. — P. 479—481. — Text : unmediated. [Protokol zakrytogo sudebnogo zasedaniya VK VS SSSR po delu Astromova-Kirichenko B. V. ot 22.04.41 g. // Ezotericheskoe masonstvo v sovetskoy Rossii. Dokumenty 1923—1941 gg. — Moskva : Minushee, 2005. — S. 479—481. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

30. Protocol of Confrontation between Astromov-Kirichenko B. V., Polisadov S. V. and Belyustin V. V. 01.09.41 // Esoteric Freemasonry in Soviet Russia. Documents 1923—1941. — Moscow : Past, 2005. — P. 374—381. — Text : unmediated. [Protokol ochnoy stavki mezhdru Astromovym-Kirichenko B. V., Polisadovym S. V. i Belyustiny V. V. 09.01.41 g. // Ezotericheskoe masonstvo v sovetskoy Rossii. Dokumenty 1923—1941 gg. — Moskva : Minushee, 2005. — S. 374—381. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)